

18+

ХРОНИКИ

заблудших Первозданных

.ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ.

Ольга Ташузда

Ольга Пашута

**Хроники заблудших
Первозданных. Первая жизнь**

«Автор»

2026

Пашута О.

Хроники заблудших Первозданных. Первая жизнь / О. Пашута —
«Автор», 2026

В мире Первозданных любовь - самое страшное преступление, которое совершили двое из касты Высших, допустивших в пылу страстей гибель своих подопечных. В искупление вины им определено прожить жизнь в телах обычных людей, узнать и полюбить друг друга вновь, несмотря на стертые воспоминания. Справятся ли они?

Содержание

Пролог	5
Самый гуманный суд в мире	8
Первая жизнь. Рождение Амели	11
Первая жизнь. Сделка с дьяволом	14
Первая жизнь. Не так страшен черт, как его малюют	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Пашута

Хроники заблудших Первозданных. Первая жизнь

Пролог

Она беспечно болтала ногами, сидя на самом краю четырнадцатизэтажной пропасти из стекла и бетона. Внизу сновали малюсенькие люди и машинки, на которые она периодически бросала заинтересованный взгляд, пытаясь угадать, что стоит за тем или иным движением или порывом тех, кто торопится и суетится там, среди извечной круговерти. А ведь стоило поднять голову повыше и открывалась такая бесконечная и разрывающая душу красота, которой и названия до сих пор не нашлось! Солнце клонилось к закату, постепенно заливая бетонные «башни», сияющие зеркальными «глазницами», маковым цветом, придающим всему вокруг небывалый колорит. Обычно она жадно всматривалась в это чудо природы, наслаждаясь каждой его секундой, но сегодня лишь мельком посмотрела на закат, отмеряющий для нее последние свободные часы.

Из ее груди вырвался тяжелый вздох. Когда-то давно именно здесь они и познакомились. Она по обыкновению сидела и любовалась городом, а он подошел сзади совершенно бесшумно и с задором поинтересовался:

– Присматриваешь или присматриваешься?

Она обернулась и смерила его надменным взглядом – высокий, взъерошенные волосы и россыпь веснушек на облупленном носу. «Забавный и милый» – почему-то промелькнуло в мыслях гораздо громче, чем это следовало бы делать при незнакомце. Он вдруг просиял, услышав ее размышления, и без спросу присел рядом:

– Ты Высшая?

Она кивнула и не удержалась от вопроса:

– Ты тоже?

– С недавних пор, – подтвердил он и, оценив ее внешний вид, уверенно выдал, – а ты уже давно в касте. И как оно? Нравится? Или как везде?

– Нравится, – честно ответила она. – У меня хорошая подопечная. Вон в том здании работает.

Ее рука указала в сторону самого высокого здания, где с раннего утра до позднего вечера было многолюдно.

– О, мой тоже там, – оживился парнишка и снова расплылся в улыбке. – Значит будем вместе ждать, мне тут нравится. Это ведь не запрещено?

Она пожалала худенькими плечиками, с которых тут же сползла широкая лямка легкого сарафана.

– Она там ни о чем не думает, уставится в монитор и весь день по клавишам тук-тук. Я сперва далеко не отходила, но потом поняла, что ей точно не до чего. Приходит утром, а уходит уже по темноте. Вот я и коротаю время здесь. Иногда скучно, но если внимательно наблюдать, то узнаешь много нового и полезного для работы.

Он сосредоточенно посмотрел вниз и медленно кивнул:

– Не думал об этом так, но вдвоем в любом случае интереснее.

Почему она тогда согласилась? Он и не спрашивал – ответ пришел сам собой, но все же ей хотелось думать, что можно было все сделать иначе. Не так нелепо и вопреки всем законам, как они...

Каждый день они поднимались на крышу примерно в одно и то же время и сидели весь день в ожидании своих подопечных. Иногда молча, но чаще болтая без умолку обо всем, что знали и о чем только догадывались. Она даже не заметила, как стала делиться с ним размышлениями и историями о подопечной, что было категорически запрещено. Он отвечал ей такой же откровенностью. И к удивлению обоих, порой именно вторая сторона умудрялась отыскать какое-то разумное объяснение тому или иному действию. Лето. Осень. Зима. Весна. А потом он внезапно пропал...

Она не находила себе места и боялась признаться даже где-то глубоко внутри, что эта крыша без его веснушчатого носа и добрых глаз потеряла всякую привлекательность, превратившись в тяжкую повинность. Она металась по ней, потом спускалась вниз и интересовалась делами подопечной, чтобы хоть как-то занять себя. Но все было не то... Одиночество, которое всегда воспринималось лучшим и самым надежным из спутников, вдруг продемонстрировало весь свой жуткий оскал, обдавая ее холодом и безнадегой. Когда она уже потеряла всякую надежду, окончательно запутавшись в противоречивых чувствах, совершенно несвойственных Высшим, он появился ранним утром.

Она почувствовала его присутствие спиной и, еще не веря в чудесное возвращение, вскочила на ноги. Точно он! Настороженный и предельно серьезный, он сгреб ее в охапку, ничего не говоря сам и не спрашивая ни о чем, а потом... с нежностью прижался к ее полуоткрытым губам. Любовь! Она слышала о ней веками! Во время обучения и испытания перед получением первого подопечного. Ей говорили, что любовь превыше всего, но Высшие... Высшие на то и занимают свое особое место, что беспристрастны – им любви не отмерено. Так им твердили! А она расцвела внутри – уперлась в грудную клетку корнями и разорвала ее, сплетаясь с таким же ростком, рвущимся из его груди. Сладостная боль, которой нет объяснения и... оправдания, если ты – Высший.

Они скрывались изо всех сил, изошренно пряча свои лучащиеся счастьем глаза от Распределительницы. Если бы она заподозрила Высших в таком постыдном времяпрепровождении, то... Что именно тогда случилось, они оба не знали, так как еще никогда за многие века ничего подобного не наблюдалось. Поэтому рисковать было бы крайне глупо и они позволяли себе полностью раскрыться лишь здесь, на залитой светом крыше, хранящей сей секрет лучше самого современного сейфа. Они научились предугадывать намерения подопечных и заранее предупреждать друг друга о возможных отъездах.

– Моя собралась к бабушке в деревню, – русоволосая голова прижималась к его плечу. – На неделю всего лишь, но я буду скучать.

– Я тоже, – пальцы с нежностью прошли по льняным прядям, будто запоминая их на ощупь.

– Мой на море едет с друзьями, – предупреждал он в следующий раз.

– Надолго? – милое личико скуксилось, отгоняя призрак предстоящей разлуки.

– Все еще не определено, но хочет на пару недель.

– Выдержим, – уверенно говорила она.

Когда они совсем заигрались и позабыли о своих обязанностях? Никто не смог вспомнить. В тот роковой день они встретились после очередной разлуки и счастье затопило их целиком. Они кружились по крыше в ритме одним им слышимой мелодии, целовались и смеялись почти каждую минуту. Им казалось, что прошло совсем немного времени. Еще чуть-чуть вместе... Совсем чуточку сверх отведенного... А их подопечные тем временем почти одновременно вышли из офиса, сели на удивительно быстро подошедший автобус и погрузились в мир соцсетей, даже не увидев несущийся навстречу совершенно неуправляемый грузовик, вмиг оборвавший жизни 15 человек.

Смерть они ощутили мгновенно, как и Распределительница, возникшая на злополучной крыше с чернеющими провалами вместо глаз и гневной речью, которую она не преминула излить на испуганную парочку.

– Вы нарушили все законы! Вы – Высшие опозорили свою касту и провалили главную миссию, поправ человеческую жизнь! Вы не уберегли своих подопечных. Неслышанная безалаберность, не имеющая никакого прощения!

Она долго еще что-то говорила, а пообещав отступникам скорый суд, шелкнула пальцами. Они ощутили безумную боль в спинах, от которой тела скрутило в тугий жгут, а потом на запястьях звякнули полупрозрачные кандалы.

Самый гуманный суд в мире

... исходя из двух сотен нарушенных сводов, должностных инструкций и заповедей, следует, что...

Распределительница упивалась идеально подходящей ей ролью прокурора. И, надо признаться, вовсе не напрасно! Высокая, статная, с горящим взором и сотрясающей пространство энергетикой – она была создана для этого «звездного» часа, олицетворяя собой главные качества Первозданных касты Высших – бескомпромиссность, холодность и приверженность законам.

Речь едва перевалила за одну треть, и зависшая под потолком обвиняемая окинула безразличным взглядом заполненное до отказа помещение. Неудивительно, что сюда набились представители практически всех каст – такого ужасающего преступления не совершал доселе никто! Их глаза пылливо сверлили ее, но это не причиняло боли. Вряд ли теперь хоть что-то способно причинить ей боль...

Она надеялась, что его тоже приведут попрощаться с миром и в последний раз насладиться закатом, но Распределительница все решила иначе. Его не привели. Да и за ней пришли раньше, чем последний алый луч махнул своей «ладошкой». Она попыталась скрыть разочарование, но оно оказалось настолько ярким, что длинным шлейфом следовало за нею, куда бы ее не определили. Даже здесь, в зале его явственно ощущали все собравшиеся. А еще страх... жгучий и разъедающий страх, сковывающий ее почище кандалов при появлении только тени мысли о том, что он может пожалеть о той встрече на крыше и случившемся после. Страх, безжалостно обнаживший неприглядное нутро и вырывающий еще горячие куски плоти. Терпеть его уже не было сил, и она подняла на него тоскливый взгляд.

Их разделяло расстояние не более вытянутой руки и от этого по коже бежали мурашки предвкушения. А может... Нет, они оба знали, что близость – всего лишь иллюзия в этом зале. Прикосновения для них недоступны, а веселить собравшихся обвиняемые не намерены. Он смотрел на нее прямо, открыто и, видимо, давно, ожидая, когда она решится на этот немой диалог. В его взгляде не было разочарования, отчаяния или сожалений. Ничего... кроме любви. Безмерной и от того сравнимой с самым редким из чудес. Ее губы тронула улыбка.

«Значит не жалеет!» – пронеслась очередная громкая мысль, которую он не мог не услышать.

«Даже не думай так! Ты мой свет, мое дыхание, моя весна. Ты разбудила меня и все изменилось!»

Вырвавшаяся на свободу и оглушающая в своей чистоте мысль так сильно светилась, что вспышкой озарила зал и всех собравшихся, сбив с размеренного такта даже Распределительницу. Она недоуменно покосилась на обвиняемых, и ее мраморная кожа пошла отвратительными пятнами. Эти двое смотрели друг на друга и от их тел исходило ровное теплое свечение, в котором невольно хотелось погреться. Им было совершенно все равно, чем закончится судебный процесс. В этом мгновении они еще были вместе, чего никто не смел у них отобрать.

– Кха-кха, – закашлял Верховный, деликатно привлекая внимание к своей скромной персоне.

– Простите, на чем я остановилась? – засуетилась Распределительница. – Ах, да – 2000 пункт свода законов был нарушен с особым пренебрежением.

Ее речь снова потекла плавно и сразу же пришло спокойствие. Верховный внимал ей, периодически поглаживая свою окладистую бороду. Он сидел на возвышении, откуда ему отлично было видно всех присутствующих, включая обвиняемых. Они знали, что он прекрасно видит их и слышит каждую направленную мысль, но это не доставляло беспокойства. Прочувствовать каждый отведенный момент – вот что металось между ними.

Верховный не отводил взгляда от Распределительницы. Его размышления были сокрыты ото всех, но каждый отчетливо ощущал горечь разочарования, которой он наполнился. Глубокая горечь, сквозящая в каждом мимолетном жесте. Чего не скажешь о сидящем рядом Антипode! Того явно веселило происходящее, и он даже не пытался скрыть своего настроения, периодически выдавая на ухо Верховному очередную шутку. Ему всегда было скучно здесь, а потому пропустить намечающееся представление Антипод не мог. Несмотря на чуть пренебрежительное равнодушие к судебному процессу, он слышал каждое слово и чутко считывал любые колебания, только начинающие проникать в пространство. Пожалуй, даже Верховный не обладал таким обостренным до предела умением видеть всю картину целиком, за счет чего некоторые ее детали вдруг начинали выступать в совершенно ином свете, чем в начале. Но даже Антипод не мог помочь им. За преступление придется ответить.

Она потеряла запястье, поморщившись от неприятно звякнувших кандалов, и усмехнулась, заметив вновь склонившегося к уху улыбающегося Верховного Антипода. Все считали их непримиримыми врагами, действующими в обход друг друга. Но на самом деле они с сотворения мира были заодно, вот только пути выбирали разные. Если бы подопечные знали истинное положение вещей, то вряд ли поверили! Она была Высшей достаточно давно, чтобы хорошо изучить подопечных, и точно знала – в такое они точно не поверят! Да, они охотно верили во всякие небылицы, но в правду... Ни за что! Антипод перехватил ее взгляд и послал обвиняемой воздушный поцелуй. Его глаза излучали безудержное веселье, и он с трудом сдерживался, чтобы не перебить Распределительницу, подходящую, наконец, к завершению обвинительной речи.

– ... на основании вышеизложенного я прошу лишить их статуса и привилегий касты Высших, стереть память и вернуть их на уровень низших каст. Спасибо.

Она села, предварительно кивнув Верховному с Антиподом, который резво повернулся к обвиняемым и с некоторой насмешкой поинтересовался:

– Вам есть что сказать?

– Есть! – он переглянулся с ней. – Истинная любовь – это дар, который мы разделили на двоих. Да, мы виновны в том, что упустили своих подопечных и нарушили планы Верховного. Но любовь... любовь не может быть виной! И мы гордимся ею! Вы вправе лишить нас памяти и всего того, что мы уже добились, но это ничего не изменит – любовь наполнила нас и останется, даже если мы все забудем. Она неизменна, она выше нас и даже... вас.

Слушатели в зале ахнули! Да где же это видано, бросать вызов? И кому, спрашивается – Распределительнице, Верховному и Антиподу!

– Вот даже как! И повторили бы все с самого начала, если бы могли?

Вместо ожидаемого гнева Антипод развеселился, потирая руки в предвкушении чего-то необычайно интересного. Он весь подался вперед и даже расстегнул верхнюю пуговку идеально выглаженной рубашке. Неизвестно, чего именно он ожидал, но обвиняемые ответили в голос, не подумав и секунды:

– Да!

Антипод склонил голову на бок, будто оценивая решимость обвиняемых, и неожиданно махнул рукой, опуская невидимый занавес и намереваясь подготовиться ко второму акту этого спектакля. Тут же облако густого белоснежного дыма непроницаемой стеной скрыло принимающих решение ото всех остальных.

– Что ты думаешь?

– Любовь живет в них, – Верховный тепло улыбнулся, медленно поглаживая посверкивающую серебром бороду, – и ведь правы они! Ума не приложу, как она в них проросла! И ведь нашла же лазейку, закрепилась – живое воплощение чуда! Мы говорим им о любви, учим, но знаем, что испытать ее Первозданным не дано! Как ни бились, не получается у них.

– Ой, не распаяйся, – раздраженно отмахнулся Антипод. – Подопечных-то не вернешь, хоть и по плану все случилось. Ты ведь все рассчитал? Только почему-то они не получили уведомления о грядущей смерти подопечных. Не подскажешь, где оно затерялось?

– Не совсем по плану, – слегка нахмурился Верховный, – но общая концепция верна. Их подопечным нужно было просто прожить отведенный время. Краткий опыт для слишком молодых. А уведомление... оно было... но я пока не разобрался, на каком этапе оно пропало.

– Так тем более, за что их наказывать?

– Ослушались же! Все законы попрали! Если я их по головке поглажу и пожалею, как мне потом других к порядку призывать? И придет хаос...

– Не самое худшее, между прочим, – проворчал Антипод. – Ты мое мнение знаешь – ты слишком зарылся в бумажках и законах своих, а пора бы немного отпустить Высших и остальных, оставив им право выбора. Да, ладно, давай о самом главном. А если и правда истинная любовь?

Антипод, казалось, уже все придумал и только выжидал, когда можно будет озвучить свою гениальную, как и всегда, идею.

– Говори уже, – Верховный знал его слишком хорошо, чтобы тянуть.

– Прости их... если они снова повторят все от начала до конца. Узнают и полюбят друг друга... там... внизу. В человеческом обличье, – голос звучал вкрадчиво, но его обладатель просто сиял от своей придумки, создавая тем самым удивительный диссонанс.

– Тогда все не зря, – тихо пробормотал Верховный, задумчиво сложив ладони в замок. – И тогда вправду любовь. Та самая истинная... А значит не все потеряно и Первозданные тоже способны на нее.

– Тогда решено? По рукам, – Антипод протянул свою холеную руку и хитро прищурился, ожидая очевидного уже для обоих вердикта.

– По рукам, пусть докажут, что любовь для них не просто слова, – кивнул Верховный и деловито осведомился. – Когда начнем?

– Прямо сейчас! Зачем тянуть? Объявляем решение суда, стираем память и вперед! Вот только...

– Что еще?

– Для чистоты эксперимента предлагаю закинуть их подальше. Туда, где нет связи и шансы встретиться призрачно малы.

– Справедливо, – одобрил Верховный. – Не станем создавать для них особых условий, пусть живут обычными людьми и пройдут свой путь.

– Решено.

Антипод уже предвкушал вытянутое лицо Распределительницы, которую сильно недолюбливал, и растерянных собравшихся. Что же – ему предстояло веселье, которое он собирался испытать до самой последней капли, а потом еще долго смаковать послевкусие!

Клубящиеся облака рассеялись и Верховный с Антиподом, готовые объявить о совместно принятом решении, предстали перед горящими нетерпением глазами.

Первая жизнь. Рождение Амели

Кэтрин едва дышала, прижимая к себе новорожденного младенца, который так тяжело ей дался, что едва не лишил жизни. Она лежала на влажных простынях и как замороженная гладила малышку по крошечным ручкам и ножкам, не обращая никакого внимания на ворчания повитухи, требующей немедленно сменить простыни на сухие, дабы избежать послеродовой горячки. Кроха сладко посапывала, зажав в маленьком кулачке палец матери, и той не верилось, что всего несколько минут назад она огласила о своем явлении в мир громогласным и, будто немного обиженным, криком. А потом затихла и погрузилась в беспечный младенческий сон. Кэтрин никак не могла налюбоваться на ту, которой понадобилось трое суток, чтобы увидеть свет.

Роды оказались тяжелыми и на исходе третьих суток старая повитуха уже не давала за жизнь роженицы и младенца ни одного фартинга. Она почти смирилась с тем, что вознаграждения ей не видать, как своих ушей, и размышляла о возможности сменить из скромного жилища до того, как в двери зайдет вдовец. А то, что муж Кэтрин станет вдовцом еще до рассвета, она была абсолютно уверена. Вот только младенец оказался упертым и, видимо, наделен недюжинной жаждой жизни, вытянув себя и свою мать с того света.

В доме царил полумрак, так как сквозь крошечное окошко солнечные лучи почти не проходили. Повитуха, намереваясь впустить свежий воздух, слегка приоткрыла дверь, но та вдруг с грохотом широко распахнулась и проход загородила чья-то внушительная тень.

– Ну что там, старая? – недовольно поинтересовался мужской голос.

– Разродилась здоровеньким младенцем, – затараторила старуха, улыбаясь беззубым ртом. – А уж как трудно было, как трудно! Если бы не мой опыт, потерять тебе и жену, и ребенка.

Мужчина, казалось, не слышал ее. Он быстрым шагом подошел к кровати и требовательно спросил:

– Кто там?

– Дочка, Нэд. Смотри, какая хорошенькая! А сильная какая, вся в тебя!

– Дочь, – Нэд презрительно скривился и, не сдержавшись, плюнул себе под ноги. – Столько суеты из-за девчонки! Мне нужны сыновья, Кэти, а девчонка без надобности. Какой от нее прок? Только лишние растраты.

– Дак жена твоя здорова и народит тебе еще много сыновей, – вмешалась старуха, заподозрив, что обещанная благодарность уплывет сквозь пальцы. – А девчонка нянькой и помощницей будет. Как же без ее помощи? Вот обучит ее мать по хозяйству, да с младенцами. И вырастят они тебе много крепких наследников.

– Возможно, – задумчиво проговорил мужчина и впервые с интересом посмотрел на жену и дочь.

Впрочем, вид Кэтрин его разочаровал. Она и так никогда не была красавицей – пегая, с волосами цвета неуродившейся моркови, худая и нескладная, а после трех дней мучений и вовсе подурнела. Нэд брезгливо рассматривал обескровленное лицо, влажные пакли волос и выступившие сквозь ночную рубашку ключицы и думал о горячей соседке, которая умело скрашивала его одиночество. Да, жене до нее далеко и, будь воля Нэда, он бы ни за что не вернулся в супружескую кровать, но ему нужны сыновья и придется время от времени все-таки отвлекаться от пышных бедер соседской вдовы. При мыслях о ней, он жадно облизнул губы, ощущая жар в теле. Смена эмоций на его лице была столь очевидной, что женщина окончательно посмурнела.

– Как назовем? – наконец, снизошел Нэд.

– Амели, давай назовем ее Амели.

Кэтрин не знала, откуда на ум пришло это имя, но она была совершенно уверена – дочь должны звать именно так!

– Ты умом тронулась? – расхохотался муж. – Где это видано в нашей глуши такие имена давать! Нет, есть же простые и достойные имена для девочки. Эмма, как звали мою мать. Или Сара, как нашу соседку.

– К которой ты шастал все время, пока я была на сносях! – прошипела Кэтрин, удивляясь тому, что разлившаяся внутри злость дала ей сил приподняться на локте.

– Ты сплетни-то не повторяй, – прикрикнул на жену Нэд.

До баб он был охочий и радовал своим вниманием не только Сару, но открыто ругаться с женой не хотел. Поэтому решил согласиться на чудное, по его соображениям, имя.

– Пускай Амели, – бросил он, уже повернувшись спиной к еле держащейся в полуприподнятом состоянии молодой матери. – Но сына, чтобы мне через год родила.

Он поманил за собой на улицу повитуху, которая радостно бросилась за ним – все же вознаграждение ей сегодня перепадет. А дважды отвоевавшая свою новорожденную дочь Кэтрин без сил упала на постель, погрузившись в странное состояние тяжелой дремы, смешанной с воспоминаниями.

Замуж за Нэда отец выдал ее силой. Однажды он просто привел в дом нового знакомого и с порога закричал:

– Мать, веди сюда Кэтрин, да быстрее!

Мать засуетилась и почти тычками в спину вытолкала дочь к гостю.

– Смотри-ка, – отец подтянул ее за подбородок, демонстрируя как породистую кобылу покупателю, – она молодая и здоровая. Рожей не вышла, но и не уродка. Работящая, сильная, к хозяйству приученная. Бери, не пожалеешь.

– А сколько лет невесте? – хохотнул мужчина, обдав Кэтрин луковым запахом, смешанным с кислым амбре дешевого пива.

– На днях 15 исполнилось, самый сок! – гордо заявил отец, не обращая внимания на наворачившиеся на глаза дочери слезы. – Надоело, что сидит на моей шее. Хватит уже кормить и поить ее. Пусть уходит, а я за нее дам гусей и помогу тебе с вступлением в Гильдию пивоваров. Будешь моим помощником.

– Низкую цену даешь, – хмыкнул Нэд, хотя и окинул девушку похотливым взглядом, от которого ее замутило.

– А, да ты хваткий! – расхохотался отец. – Давай поторгуйся, а ты иди прочь!

Он отпустил дочь, выскочившую из комнаты в слезах и таящую надежду на то, что брак не сложится. Но отец был настроен серьезно и вскоре сторговался с Нэдом. Так Кэти стала хозяйкой в его небольшом домике, больше напоминающем лачугу. Муж оказался груб и прижимист, не желая расставаться ни с одной монетой ради молодой супруги. Даже для собственного комфорта он не собирался раскошелиться, живя по меркам их небольшого городишки крайне бедно. Целыми днями Кэтрин хлопотала по хозяйству, изнемогая от постоянно растущих требований мужа, а ночами закрывала глаза и молилась о том, чтобы все поскорее закончилось. Но Нэд был ненасытным и оставлял супругу в покое только под утро. Интерес к ней он потерял только после известия о беременности. О наследниках он мечтал истово, поэтому не прикасался к жене, пока она носила малыша. В остальных вопросах послаблений для Кэтрин не предвиделось – она все так же выполняла все возложенные обязанности, стараясь лишней раз не гневить скорого на расправу мужа.

– Тише, маленькая, – она вынырнула из сна и погладила закряхтевшую дочку. – Все будет хорошо. Вырастешь большой помощницей, а я буду тебя любить. Вместе нам все полегче станет, вот и мне радость получится. Спасибо, Господи, за нее. Без ее помощи мне худо будет.

Так, мимоходом, судьба Амели была определена. Жить как ее мать, работать и в положенный срок выйти замуж за того, кого укажет отец. Вот только никто не знал, что истинная судьба девочки совсем иная...

Первая жизнь. Сделка с дьяволом

– Бесово отродье! Опять всех гусей загубила! Посадил тебя на свою шею!

Крики Нэда разносились по округе, а сам он ухватился за ухо визжащей и вырывающейся десятилетней дочери. Несмотря на все усилия, вырваться ей все-таки не удалось, и разъяренный мужчина втащил ее в дом, взревев с порога:

– Кэтрин, полюбуйся на свое отродье! Она опять упустила гусей и в этот раз всех. Джон теперь собирает их по дворам и, если я не досчитаюсь хотя бы одного, высеку ее до костей и мяса.

Услышав предупреждение отца, Амели взвыла от страха. На расправу он был скор и свои обещания выполнял. И мать в этой истории явно не станет заступницей. Кэтрин вышла из кухни, вытерла руки о заляпанный передник и перевела усталый взгляд на мужа и дочь, безразлично пожав плечами, что еще больше взбесило Нэда.

– Ты навязала мне ее, расписывая, какой помощницей станет эта бестолковщина! И что? От нее в семье одни убытки! Она не годится ни для чего! Одно осталось – замуж ее пристроить. Вон сосед вдовый на нее заглядывается, пару годков просит подождать. Исполнится двенадцать, и я договорюсь со священником – сбудем ее с рук.

В глазах Кэтрин впервые за время разговора промелькнул интерес.

– И много даст за нее? Или больше приданого с нас стрясет?

– Я возьму с него полной чашей, – усмехнулся мужчина и поднял руки, наглядно демонстрируя, сколько монет он планирует получить за дочь, которая не преминула воспользоваться секундной свободой, метнувшись в сторону двери и ускользнув через небольшую щелку, словно юркая ящерка.

– Вот бесовка! – снова выругался Нэд. – Ну ничего, в животе заурчит и вернется. Бежать ей некуда.

Он собрался пойти проверить, как сын справляется с его заданием, но вдруг зацепился взглядом за округлившуюся фигуру жены. За прошедшие годы он так и не воспылала к ней страстью, считая Кэтрин совершенной дурнушкой, но почему-то во время вынашивания очередного ребенка она становилось для него невероятно привлекательной. Он облизнул губы и грубовато приобнял за талию, нетерпеливо подталкивая в комнату.

– Давай, иди в кровать. Быстрее.

– Нэд, так малыш же, – женщина прикрыла руками выступающий живот.

– Вот ленивая же ты баба, – снова подтолкнул он ее, – ничего делать не хочешь! Это раньше ты мне про детей зубы заговаривала, давай-давай. Пошевелись хоть немного.

Кэтрин опустила голову и обреченно направилась в спальню. Последние годы прошли для нее в тяжелых трудах, ежегодных рода и постоянных побоях, что не прибавило женщине красоты. Робкая и едва проклюнувшаяся девичья прелесть так и не успела раскрыться в ней, сужившись под гнетом судьбы. Кэтрин высохла, осунулась, постарела и совершенно погасла, превратившись в желчную и склочную бабу, не испытывающую никаких чувств ни к мужу, ни к рожденным детям в количестве восьми штук. Как и мечтал Нэд, все последующие их дети были мальчиками, и он чрезвычайно гордился этим. А вот Кэтрин... Кэтрин испытывала к ним странную смесь безразличия и ненависти, но все же больше всего она ненавидела Амели, не оправдавшую ни единой ее надежды и ставшей самым большим разочарованием в ее пустой и беспросветной жизни.

– Блаженная! – бросил с презрением Нэд, когда впервые заметил, что трехлетняя Амели часами просиживает во дворе, любуясь небом, травинками и жучками.

– Так дите же, – попыталась оправдать ее Кэтрин, развешивая выстиранное белье.

– Приладила бы ты ее к хозяйству, а то на сносях уже. Пусть привыкает, – грозно бросил мужчина и scomандовал. – Пусть тарелки хоть на стол расставит, отец пришел домой.

– Дочка, давай скоренько тарелки расставим, – подхватила малышку Кэтрин, но та уперлась и принялась лопотать на своем языке, из которого не было понятно ни слова.

Когда матери все же удалось увести ее со двора и всучить тарелки, Амели выронила их у самого стола, засмотревшись куда-то в сторону. Это был первый раз, когда отец ее высек. Она пищала и отчаянно плакала, зовя мать, но та не решилась заступиться за дочку. Да и вряд ли хотела, ведь разбитая посуда достаточный повод для наказания. В следующий раз будет аккуратнее! Это сработала бы для кого угодно, но... только не для Амели! Казалось, она была совершенно непригодной ни для чего, о чем говорили отец и мать. Отправившись пасти гусей, она забывалась и теряла их. Била посуду, едва соприкоснувшись с ней. Умудрялась испортить белье и еду, пытаясь готовить. А уж о присмотре за младшими братьями и речи не было! Амели могла затеять с ними игру, а потом задуматься и уйти на реку, чтобы послушать, как плещутся рыбы. Ни тумаки, ни крики, ни регулярная порка не приносили толку – девочка была словно не от мира сего.

В итоге все хлопоты по дому падали на плечи Кэтрин, изнемогающей под этим невыносимым гнетом. И виновницей всех своих бед женщина назначила Амели – вредная девчонка просто ленится и капризничает, не уважая родителей. Тоненький росток любви, который едва пробился в душе Кэтрин после рождения дочки, так и не смог укорениться. Ему на смену пришла пустота, которая спустя совсем немного времени до краев заполнилась жгучей ненавистью. Пожалуй, если бы не внешность дочери, она сама выкинула ее из дома.

– Девка обуза еще та, – говорил Нэд, внимательно разглядывая дочь, – но замуж мы ее выдадим удачно. Не в тебя она пошла, много предложений получим, да еще поторгнемся. Хорошо, что не в тебя, пегую.

Понимая, что причиняет жене боль, Нэд еще несколько раз повторил последние слова и хохотнул, наслаждаясь произведенным эффектом. После он завалился спать, а Кэтрин еще долго сидела за штопкой, глотая злые слезы и проклиная тот день, когда родила Амели. Ничего не понимающая девочка сидела подле нее в надежде на редкую ласку, но мать почему-то только сердито покрикивала и прогоняла прочь, для убедительности подпинавая ребенка ногой.

Дочка действительно уродилась прехорошенькой – пухлые губки, большие светлые глаза, ровная молочная кожа и красивые волосы, которые вместо бледного материнского цвета отливали богатой медью. И это был еще один повод ненавидеть кроху. Кэтрин чувствовала, что у той может быть совершенно иная судьба, поэтому с радостью закивала головой, едва сосед намекнул на поиски жены и хозяйки в свой дом. Пожилой вдовец с тремя детьми и огромным хозяйством явно не дал бы Амели спуска и Кэтрин в тайне злорадствовала. Оставалась дожидаться пару лет, когда можно будет открыто обсуждать брак. Но судьба распределила по-своему.

Очередная беременность проходила тяжело и Кэтрин неожиданно слегла, не в силах даже пошевелиться. Нэд сперва ругался, требуя от жены подняться и сделать всю работу. Он даже подошел к кровати и стащил с нее бледную и покрытую испариной женщину. Но когда даже это действие не дало результата, он встревожился.

– Смотри за мальчишками, бесовка, – прикрикнул он на испуганную Амели. – А я пойду приведу повитуху, совсем неладно что-то с твоей матерью. Не хватало ей еще помереть и оставить меня с вами.

Он грозно зыркнул на притихший детей и вышел из дома. Амели вздохнула и оглядела ватагу мальчишек, младшему из которых едва исполнился годик. Они жались друг к другу и от их обычного озорства не осталось и следа.

– Хотите сказку? – поинтересовалась она.

Они так активно закивали головами, что девочка даже испугалась – вот-вот и надломятся грязные тощие шеи братьев.

– Тогда брысь в кровать и без возни там! Сейчас со стола уберу и будет вам сказка.

Пожалуй, единственное, к чему Амели проявляла способности, это к укладыванию братьев спать. Шумные, непослушные мальчишки замолкали в ту же секунду, как сестра заводила очередную историю. А их в ее головенке рождалось немало! И ни одна не повторялась! Даже Кэтрин порой откладывала свои дела и прислушивалась к плавно текущей речи дочери, поражаясь ее странному умению.

– Говорю же – бесовка! – вынес свой вердикт Нэд. – Откуда ей такое знать? С ее-то умишком и придумать не получилось бы! Точно демоны ей нашептывают, а она и слушает вместо того, чтобы хозяйством заниматься.

– Да, что ты, – испуганно отмахивалась Кэтрин, невольно крестясь сама и перекрещивая дочь.

– Попомни мое слово, наведет она беду на весь наш дом! Избавиться от нее надо, а то еще и мальчишек испортит, – тихо сказал мужчина, косясь на увлеченную историей дочь.

Как бы то ни было, но способность Амели сейчас пришлась очень кстати. Еще до конца истории мальчишки, разложенные по двум, грубо сколоченным кроватям, засопели. На всякий случай девочка продолжила сказку и только убедившись в том, что никто из братьев не проснется, встала и подошла к матери. Та так и лежала на полу, скрючившись и периодически вздрагивая всем телом. Амели внимательно смотрела на нее, обдумывая хватит ли силенок, чтобы поднять и уложить мать обратно, но нехитрые детские размышления прервал стук двери. Она тут же благоразумно юркнула в темный угол, пропуская вперед злого отца и какую-то старуху, закутанную в шаль и серый плащ. То, что это не повитуха, Амели поняла сразу – местную Нэн тут знали в каждом доме, а эта женщина с пронзительными серыми глазами и плотно сжатыми губами была ей совершенно незнакома.

– На кровать ее! – скомандовала она Нэду и тот, обычно не допускающий даже слова от женщины, послушно поднял жену и уложил ее на постель.

– Вода, чашки и чистые тряпицы, – она внимательно ощупывала Кэтрин, склонив голову и будто прислушиваясь к чему-то.

– Чего стоишь? – взревел отец, намереваясь запустить в девочку тяжелым ботинком. Она засуетилась и хотела броситься в кухню, но окрик старухи пригвоздил ее к месту:

– Иди сюда. Не тяни.

Амели крутнулась на месте и, жалобно взглянув на отца, подошла к старухе. Та развернулась к девочке, а потом резко наклонилась к ее лицу, принюхиваясь к чему-то. В ее глазах отразилось удивление, а на губах заиграла улыбка.

– Ступай, все хорошо будет с твоей матерью.

До утра старуха колдовала над Кэтрин и добила-таки своего – когда первые рассветные лучи пробрались в дом, женщина села на кровати, намереваясь по многолетней привычке броситься готовить для мужа и детей. Она выглядела совершенно здоровой и даже более, чем была накануне. Нэд удовлетворенно крякнул и вложил в протянутую руку старухи увесистый мешочек с монетами.

– По уговору, – проговорил он, жадно взглянув на монеты, с которыми было жаль расставаться – уж больно много запросила старая ведьма.

Та хитро прищурилась и не убрала упавший на ладонь мешочек.

– Дело у меня к тебе, – наконец, произнесла она, насладившись муками Нэда, взгляд которого не отрывался от монет.

– Говори, – он облизнул губы.

– Я верну тебе плату и даже дам сверху, если ты продашь мне ее, – костлявый палец указал на забившуюся в угол Амели.

Нэд переглянулся с Кэтрин, глаза которой заблестели чуть ли не более, чем у мужа.

– И сколько дашь? – женщина обхватила руками живот и подалась вперед.

– Сколько хотите?

Нэд хищно улыбнулся и назвал сумму, вдвое больше той, что готов был отдать за Амели вдовый сосед. Старуха даже не моргнула, она медленно оправила свое платье и вытащила откуда-то из его складок несколько мешочков, доверху наполненных монетами. Она брезгливо бросила их на стол и по нему покатались блестящие золотые кругляши, при виде которых брови Нэда взметнулись вверх.

– Здесь в 3 раза больше того, что ты назвал, – произнесла старуха. – Забирай, а я уведу ее. Прямо сейчас.

– Договорились, – хрипло проговорил Нэд, не отводя глаз от стола.

– Папа, мама, – пискнула Амели и бросилась к Кэтрин, ухватив ее за подол. – Не отдавайте меня ей, я не хочу. Я буду делать все, что вы скажете! Все-все! Только не отдавайте меня!

– Перестань, – мать оттолкнула рыдающую девочку ногой. – Отец все решил.

Еще не теряющая надежды Амели продолжала ползти к матери, цепляясь за ее подол, но та лишь уворачивалась, продолжая громко браниться. Внимательно наблюдающая за развернувшейся драмой старуха, вдруг повернулась к Нэду:

– Только у меня условие – часть этих денег ты выделишь своей жене. Она мать девочки и тоже должна получить свою долю от сделки.

Нэд чуть не поперхнулся и, сжав кулаки, начал наступать на женщин:

– Ни монеты ей не дам. Эта ленивая тварь и так сидит на моей шее!

– Отдашь! – в голосе старухи прозвучала угроза и Нэд почему-то остановился.

Он удивленно поглядывал на приведенную в дом ведьму, не в силах сопротивляться ее власти.

– Отдам, сколько скажешь, – послушно согласился он, наконец.

– А ты возмёшь? – старуха повернулась к Кэтрин, по щекам которой гулял лихорадочный румянец в предвкушении самого невероятного в ее жизни.

– Да, – не задумываясь, ответила она.

– Сделка совершена, – бесцветным голосом подытожила старуха и, казалось, потеряла всякий интерес к этому дому. – Пойдем.

Ее цепкие пальцы ухватились за плечо парализованной страхом и все еще плачущей Амели, разом отсекая ее от прошлой жизни.

Первая жизнь. Не так страшен черт, как его малюют

Амели совершенно не помнила дороги, которой ее вела старуха. Последнее, что было в ее маленькой головке – со скрипом закрывшаяся дверь дома ее детства. А потом лишь какой-то туман, сквозь который периодически угадывались очертания знакомых спицей, улиц и городских ворот, за которыми начинался лес, куда и направилась старуха. Сперва ноги девочки в дырявой обуви ощущали ровную тропку, привычную местным, ходящим сюда за хворостом, да ягодами. Но вскоре путь стал неровным, и она то и дело спотыкалась. Все это время старуха крепко держала ее за руку и не отпускала ни на секунду, словно боясь, что девочка сбежит. Впрочем, ее опасения были совершенно напрасными – Амели брела в самом густом тумане в своей жизни и ощущала, что он полностью заполняет ее изнутри. Картинка немного прояснилась, лишь когда старуха устало произнесла:

– Пришли. Заходи, теперь это и твой дом.

Девочка моргнула, прогоняя тяжелый морок, и отчетливо увидела довольно справный домик под огромным раскидистыми деревом. У него было широкое крыльцо и большие окна, приветливо «глазеющие» на Амели. Она не знала, откуда в голову закралось такое сравнение, но невольно вздрогнула, ступив на первую ступень.

– Заходи, заходи, – поторопила старуха, но в ее голосе девочка не ощутила привычной для отца и матери злобы.

Наоборот, что-то в интонациях ее спутницы навевало мысли о вкусном ужине, теплом очаге и мелодичной колыбельной. Она снова моргнула и уверенно переступила порог, решив для себя оглядеться, а потом найти способ сбежать к родителям. Словно услышав ее мысли, старуха остановилась, вздохнула и поманила ее к себе.

– Слушай меня, дитя, – ее некогда красивое лицо склонилось к Амели так близко, что можно было разглядеть каждую точку и морщинку на удивительно ухоженной коже. Она была такого необычного цвета, что девочка не удержалась и дотронулась пальцами до щеки старухи, оказавшейся на ощупь просто бархатной, что вызвало у ребенка глубокое потрясение – кожа матери напоминала задубевшую кору дерева, растущего в их дворе. Иного Амели и не помнила, а тут... старуха и вдруг такая странность.

– Мягкая, – прошептала она.

– Ох, ты, горюшко, – покачала головой старуха и протянула руку, чтобы погладить девочку по голове, но та невольно сжалась, готовясь к привычному туману, и зажмурилась. – Надо же, как тебя...

Ожидание тычка затянулось и Амели в конце концов с опаской приоткрыла один глаз. Старуха так и стояла, опустив руки и смотря на нее со странным выражением, в котором угадывалась жалость и что-то еще... пока неразличимое для ребенка, растерянно наблюдающего, как ее хозяйка развернулась и медленно потопала к глубокому креслу у горящего очага. Она опустилась в него, с наслаждением вытянула ноги у огня и поманила Амели.

– Послушай меня, кроха, и запомни на всю жизнь. Я тебя выкупила у тех, кому ты не нужна, даром, что привели тебя в этот мир. Твоя судьба с ними будет печальнее, чем ты способна осознать. Но назначено тебе иное, и я это отчетливо увидела, когда зашла в ваш дом. Я научу тебя всему, что знаю, но держать силой не стану. Хочешь бежать? Уходи прямо сейчас. Я сделала все, как нужно. С меня спроса нет. Остальное – в твоих руках.

Сказав все, что хотела, она отвернулась от девочки и протянула к огню немного озябшие руки. Амели смотрела на нее во все глаза, не понимая, что здесь происходит. За нее заплатили золотом, и все же она свободна? При этой мысли по сердцу разлилась беспокойная, словно весенний ручей, радость и в тот же момент пришло осознание – она не хочет назад. Там нет свободы!

– А что мне назначено? – робко спросила она.

Старуха скрыла расцветшую на губах улыбку и вновь повернулась к девочке:

– Мне не надо знать, но вот что скажу – у каждого своя судьба на роду написана. Но всегда нам выбор оставлен, как поступить. Я вот долго не могла понять, куда она меня ведет, чего желает и почему держит здесь. А вот, поди-ка, углядела тебя и поняла. Мне назначено тебя спасти и обучить, вот только не спрашивай, зачем оно... Это уж ты сама должна. Своим сердцем... что оно тебе подскажет, так оно и есть.

– А как к тебе обращаться?

– Матильдой меня мать нарекла, но это было так давно, что и не припомню. Все называют меня Мати, так и ты зови. Я привыкла, – старуха хитро прищурилась. – Значит остаешься?

– Остаюсь, – кивнула Амели.

– Вот и ладно, выйди сюда вот, к свету поближе.

Девочка послушно встала туда, куда ей показали. Мати крутила ее туда-сюда, цокая языком, хмурясь и приговаривая:

– Вот же изверги! Не девчонка, а кожа и кости! Кормить, да кормить тебя. И одежда вся оборванная, ботиночки худые. Ладно, после решу, уладим все. Сперва еда. Голодная небось?

Последний вопрос она задала громко и Амели невольно вздрогнула, привыкшая к тому, что за окриком не следует ничего хорошего. Она по привычке втянула голову в плечи и только потом ответила:

– Я последний раз вчера ела.

– Так я и думала, – нахмурилась хозяйка и махнула головой в сторону стола в дальнем конце комнаты. – Садись, что-то у меня тоже живот подвело.

Амели не поняла, как они могут сесть за стол, если старуха ничего не готовила, но пошла за ней и в изумлении открыла рот, увидев не поддающееся объяснению роскошество. На столе с нетерпением ждали едоков миска с ароматным мясным соусом, в котором плавали большие куски мяса, томленный лук-шалот в плошке, свежее испеченный хлеб, уже нарезанный большими ломтями, копченый окорок и половинка головки янтарного сыра.

– Откуда это? – Амели сглотнула слюну, чувствуя, насколько подвело живот – еще никогда она не видела столько еды одновременно.

– Из погреба и котла, – хмыкнула Мати и отодвинула стул, поудобнее усаживаясь и начав трапезу.

Она быстро наложила себе мяса, поливая его соусом, и добавив луковые головки. Секунду посомневавшись, старуха взяла ломоть хлеба и положила на него толстый кусок сыра. Амели смотрела на ее порхающие над столом руки и никак не могла решиться дотронуться до еды. Ей казалось, что в происходящем что-то неправильно – столько всего и для них двоих! Да такого количества их семья не видела и в течение целой недели!

– Ешь, – приказала хозяйка, заметив терзания девочки. – Уж в чем, а в еде я недостатка не испытываю. Голодной ходить не будешь.

И будто в подтверждение своих слов она с аппетитом принялась за мясо. Выдержать это зрелище голодная девочка была не в силах и набросилась на предложенные блюда. Еда была удивительно вкусной, щедро сдобренной травками и чем-то еще, что невероятно понравилось Амели. Она даже не заметила, как съела полную тарелку и даже вымакала хлебом весь соус, большими глотками запивая все молоком. Видимо, впервые полностью за всю ее недолгую жизнь утоленный голод сыграл с девочкой странную шутку: она расслабилась, обмякла и, уронив голову на грудь, сладко засопела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.